

Мой кумир – одиночество.
На пронзительной ноте –
отражение пророчества,
облака в самолёте,
кофе в чашке, нетронутый
хлеб, покрывшийся плесенью,
то вчера – недопонятый,
то сегодня – известный.
Второпях недолюбленный,
впопыхах – не любивший,
то ли кем-то загубленный,
то ли мало проживший.
Даже кот не мяукает,
даже нету собаки,
то ли кто-то всё путает,
то ли хочется драки.
Так, чтоб с кровушкой матерной,
чтобы наотмашь, хлётко,
подвывая собакою
и царапаясь кошкой.
Ты сгори, одиночество,
синим пламенем ярким,
наплевать на пророчество...
Бог же дарит подарки?

* * *

Ночь в чужом городе
всегда холодная,
то каркают вороны,
то водопроводная
труба дребезжит
смехом ведьмы,
то тень пробежит
из пустого в неведомое.

Ночь в чужом городе,
мысли, бессонница,
нет, вроде, звонницы,
а в ушах, вроде,
то звон по ушедшим,
то сигнал тревоги
о годах прошедших
и друзьях немногих.

Ночь в чужом городе,
звезды другие,
мысли нагие
бродят по комнате,
дружат с бессонницей,
кружат навязчиво...
Выпью, как водится,
может, отвяжутся?

* * *

В жизни умирают по-другому,
не красиво.
Не для селфи, не для
объектива
камеры холодной и бездушной,
наплевавшей на тела и души.

В жизни как в кино
не погибают,
медленно, со звучным вечным
словом,
в жизни смерть как ветку
нас ломает
некрасивым и больным
изломом.

В жизни не бывает привидений,
души не приходят как видения,
только в снах потливо-беспокойных,
видим мы ушедших ввысь
покойных...

* * *

От зачатья,
до глубокой раны
перед самым уходом,
я хочу немного счастья,
без далеких походов.

Без парадов, салютов,
мы же, все же, живые,
без ненужных прелюдий,
под следы ножевые.

Как хочу я согреться,
без огня и без пледа.
Я готов натерпеться,
лишь бы справить победу.

Только холодно, братцы,
до костей пробирает.
Тем, кому не собраться,
странно что умирают.

Тем, кому не понятно,
даже сложно поверить,
что однажды, когда-то,
вдруг откроются двери...

Вот тогда мы прорвёмся,
вот тогда будем рады,
вот тогда отзовёмся
на салюты, парады.

Только где-то, из детства
в одеяле пуховом,
кто-то хочет согреться.
Мёрзнет снова и снова...

* * *

По влажной солнечной глазури
плывут под ноги облака,
к стакану тянется рука,
и снова много давней дури.

Когда гулял по облакам,
смеялся страхам и сомненьям,
когда по щучьему веленью
не поддавался дуракам.

Когда легко – и ночь, и день,
любви своей листал страницы,

когда все время пели птицы
и нёс сплошную дребедень.

Когда нелепая слеза
случайно-странно появлялась,
и в тот же миг ко мне являлась
удача, радуя глаза.

Ушли по небу облака
и лужи высохли, доплакав.
Путь в далеко не одинаков,
не одинакова строка.

Диктует время новый ритм
и, поддаваясь общей смуте,
ищу я в будущей минуте
прошедшей жизни алгоритм.

* * *

Как призрачная нить
струна разбитой скрипки,
мелодия души
затихла в темноте.
Погасшие глаза
и стертые улыбки,
раскрытая ладонь
навстречу пустоте.

Но где-то, вдалеке,
свеча хранит разгадку,
мерцающая, огонёк несёт
тепло и свет.
Тень на стене дрожит,
истомой томно-сладкой
сочится тихо ночь
и шепчет нам ответ.

Не кончатся стихи,
пока любовь танцует,
пока твоя рука
касается моей,
пока тень от свечи
нам на стене рисует
ту призрачную нить,
что свяжет нас сильней.